

НАСЛЕДНИЦА НАВИ

ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЗНАНИЕ
ЧЕСТЬ
СИЛА

ИМПЕРИЯ
НАУКА
БУДУЩЕЕ

Лина Винц

Лина Винц

Наследница Нави

<https://litres.ru/74176919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одногруппники считают Лизу Лебедеву странной. Университетский одnogруппник граф Вяземский не упускает случая напомнить об этом при всех. А она просто пытается дожить до диплома, не потеряв стипендию и остатки самообладания.

Но однажды вечером в дверь её комнаты в общежитии постучат. И прошлое, которое от неё скрывали десять лет, вот-вот вернётся. И вместе с ним тьма, которая всегда была её по праву.

Содержание

Глава 1. По праву крови	4
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лина Винц

Наследница Нави

Глава 1. По праву крови

Я изо всех сил пыталась сосредоточиться на монотонном бубнеже профессора Волынского, но в четыре часа вечера, после нескольких пар подряд, это было почти невозможно.

— Следует понимать, господа студенты, — профессор Волынский постучал серебряным наконечником трости по кафедре, — что договоры старых домов не являются декоративной частью семейного архива.

В аудитории кто-то тихо хихикнул. Профессор поднял глаза вверх очков.

— Вы можете смеяться, господин Вяземский, но ровно до того момента, пока ваш собственный родовой нотариус не напомнит вам о пункте тринадцать в брачном контракте вашей прабабки.

По рядам прошла волна смешков, уже сдержаннее прежней. Кирилл Вяземский сидел через два места от меня, вытянув длинные ноги так, будто аудитория была продолжением его гостиной. Он был красив той уверенной, старой красотой, которую обычно пишут на портретах в фамильных особняках: прямой нос, внимательные серые глаза, тонкая

усмешка, дорогой мундирный пиджак с тёмно-синим кантом. Красивые богатые люди редко выглядят виноватыми. Он повернул голову ко мне и улыбнулся так, словно мы были давними друзьями.

— Лебедева, — сказал он достаточно тихо, чтобы профессор не услышал, и достаточно громко, чтобы услышали все вокруг. — Может, спросите у своих воображаемых друзей, действуют ли родовые договоры на психически нестабильных?

Несколько девушек на переднем ряду захихикали — они никогда не упускали случая наигранно посмеяться даже над самой плоской шуткой, если была надежда, что красивый молодой граф их заметит. Я опустила глаза в конспект. Ничего нового он не придумал: те же надоевшие остроты, которые нужно просто пропускать мимо ушей. Просто пропускать. Чернила в ручке закончились ещё утром, но я продолжала водить пустым стержнем по бумаге, оставляя едва заметные борозды и старательно изображая безразличие.

— Лебедева? — Кирилл склонился чуть ближе. Я почувствовала запах дорогого одеколона и безнаказанности. — Или сегодня ваши невидимые друзья заняты?

— Замолчите, Вяземский.

За четыре года учёбы здесь ничего не изменилось — я так и не научилась игнорировать его язвительные комментарии.

Профессор Волынский замолчал на середине фразы. Аудитория тоже. Я поняла свою ошибку в ту самую секунду,

когда звук моего голоса отскочил от лепнины потолка и умер где-то под гербом над кафедрой.

Кирилл медленно поднял брови, изображая невинное изумление.

— Я?

На задних рядах кто-то зашептался.

— Опять началось.

— Она с кем вообще разговаривала?

— Со стулом, наверное.

— Или с батареей.

Профессор Волынский смотрел на меня не со злостью, а с усталостью, к которой я давно привыкла. Так смотрели все преподаватели, что однажды уже вызывали меня после пары и спрашивали, всё ли у меня в порядке, не нужна ли консультация университетского врача. Я отвечала, что всё хорошо, и у меня есть справка от психолога. В отличие от воспитателей детского дома, университетские преподаватели оставляли меня в покое довольно быстро, убеждённые, что в двадцать два года взрослый человек способен позаботиться о себе сам.

— Госпожа Лебедева, — сказал профессор наконец, — если у вас есть замечание по теме занятия, озвучьте его для всех.

— Нет замечаний, ваше превосходительство, — только это я и смогла выдать из себя жалобным голосом.

— Тогда не мешайте лекции.

— Да, ваше превосходительство. Прошу прощения.

Кирилл улыбнулся шире. Как же мне хотелось стереть эту наглую ухмылку с его лица.

К концу лекции слухи уже успели измениться. По версии хихикающих одноклассниц, я не просто разговаривала со стулом, а приказала самому графу Вяземскому замолчать от имени духов университета. К тому моменту, когда студенты потянулись из аудитории в коридор, к истории добавились проклятый угол, мёртвый студент из прошлого века и неудачный приворот. Глупцы — приворотов не существует.

Я медленно собрала тетради и пережидала толпу. Сил противостоять графу и его свите у меня не осталось совсем. Но сегодня Кирилл не желал упускать свою минуту славы и не ушёл сразу — остановился у двери, положив ладонь на резную ручку, и обернулся.

— Лебедева, — сказал он. — Вы сегодня особенно выразительны. Сезонное обострение или просто стипендия задерживается?

Его друзья засмеялись.

— Не переживайте, граф. Если стипендия задержится, я не приду занимать у вас.

— А жаль, — Кирилл сделал вид, что задумался. — Хотя, признаться, я вам даже завидую. У вас, в отличие от большинства из нас, собеседники никогда не заканчиваются. Удобно, когда семья — это кто угодно, кого сама себе придумаешь.

Несколько человек засмеялись уже тише, будто и сами почувствовали, что шутка перешла черту.

— Может быть. Зато мои воображаемые друзья хотя бы искренне рады меня видеть. В отличие от вашей семьи, судя по тому, как часто вы бежите от неё в университет.

Смех оборвался на полуслове. Кирилл посмотрел на меня внимательнее, словно хищная птица.

— Осторожнее, Лебедева, — мягко сказал он. — У вас и так не самая прочная репутация.

— Какая есть.

Я быстро прошла мимо него, не поднимая головы. На этот раз никто не толкнул меня плечом — не потому, что пожалели, а потому что всем стало любопытно, чем всё закончится. Но, видимо, после пяти лекций даже у благородного графа Вяземского не осталось столько энергии, и он лишь тихо рассмеялся мне вслед. Этот смех был хуже любого оскорбления.

Коридор университета был полон голосов студентов и запаха кофе из автоматов. За высокими окнами моросил ноябрьский дождь. По двору скользили чёрные зонты, у главных ворот останавливались автомобили с гербовыми номерами. Уже стемнело — я ненавидела осень и зиму в этом городе, где увидеть единственный солнечный луч было настоящей удачей.

Вдруг в отражении окна за моим плечом мелькнуло что-то тёмное. Я резко обернулась. Коридор был полон студен-

тов, ничего необычного — насколько это вообще было возможно.

У колонны я заметила Виктора Берестова. Он учился со мной на одном курсе и по популярности почти не уступал графу Вяземскому, несмотря на отсутствие благородного происхождения. Но в отличие от графа Виктор никогда не шутил надо мной, но и в наших ежедневных перепалках с Вяземским тоже участия не принимал.

— Лиза, ты как? — спросил он, подойдя ко мне. От Виктора всегда исходило что-то неправильное: не зло и не тьма, а скорее что-то холодное, необычное для человека.

— Всё в порядке.

— Вяземский перегнул.

— Вяземский всегда перегибает.

— Я могу поговорить с ним, — Виктор неловко сунул руки в карманы.

— Правда? — я усмехнулась. Только рыцаря на белом коне мне не хватало.

— Я не в этом смысле. Не угрожать. Просто сказать, чтобы отстал, — Виктор покраснел.

— И он, конечно, послушает. Спасибо, но мне не нужна помощь.

Кирилл Вяземский был графом, наследником старого рода, любимцем декана и будущим председателем совета министров, если не испортит себе биографию слишком громким скандалом. Виктор Берестов был просто харизматич-

ным студентом с большим будущим. Я же была никем, сиротой со странной репутацией, которая изо всех сил училась, чтобы попасть в Императорский Санкт-Петербургский университет. Единственным разумным выходом оставалось игнорировать Вяземского ещё два года, до выпуска. В конце концов, он должен был когда-нибудь повзрослеть. Или устать.

Виктор кивнул, будто ожидал именно такого ответа, и достал из папки несколько листов.

— Дописал конспект с прошлой лекции. Ты тогда ушла раньше.

— Спасибо, — я взяла листы. Наши пальцы случайно соприкоснулись, и по коже словно скользнула молния. Я резко отдернула руку.

— Ой, током ударило. Прости, когда холодает, я всех бью из-за дурацких свитеров, — он потёр пальцы.

— Ну да — скептически протянула я. На миг мне показалось, что холод вокруг него стал сильнее, а воздух между нами натянулся тонкой невидимой нитью. В этот момент где-то у лестницы раздался голос Кирилла:

— Берестов, осторожнее. Ещё немного и она решит, что ты её новый воображаемый жених.

Снова смех. Я поблагодарила Виктора ещё раз и молча пошла к выходу.

Дождь усилился. Я раскрыла зонт, но спицы погнулись ещё месяц назад, когда Никки уселся на него всеми четырь-

мя пушистыми лапами. Порыв ветра вывернул купол наизнанку.

— Предатель.

— Лебедева разговаривает с зонтом! — донеслось откуда-то с крыльца.

Я не обернулась. До общежития было пятнадцать минут пешком. Через главный проспект, мимо книжных магазинчиков и кондитерской «Северная корона», можно было добраться почти не промокнув, держась под козырьками. Через старый университетский сад быстрее, но темнее. В поисках тишины я выбрала сад.

Сад тянулся между старым корпусом естественных наук и новым зданием Института кибернетики. Липы здесь стояли скрученные, будто кто-то когда-то пытался связать их в узлы. Вдоль дорожек горели фонари под старину, но внутри у них были современные холодные лампы, и свет ложился на мокрый гравий бледными пятнами.

Я быстро шла по тёмной аллее, когда снова почувствовала это. Взгляд. Не человеческий интерес, не насмешливое внимание одноклассников, что-то другое, будто сама тьма, тяжёлая и неподвижная, наблюдала за мной.

Я остановилась. По коже пробежал холод. Дождь шелестел в кронах. Где-то на проспекте звякнул трамвай. По дорожке впереди пробежала собака — лохматая, рыжая, с оборванным поводком. Она тоже остановилась, посмотрела в сторону старой оранжереи и тихо заскулила.

«Не следуи за тениями», — знакомый голос, будто из прошлого, отозвался у меня в голове.

Оранжерея давно стояла закрытой на ремонт. Стёкла в высоких арочных окнах темнели, как слепые глаза. Света внутри не было, но в одном окне что-то шевельнулось. Тень. В следующий миг из-за тучи выскользнула луна, и стекло блеснуло. Никого. Только ржавые рамы, мокрые листья дикого винограда и отражение фонаря.

— Нервы. Может, Вяземский прав, и я и правда схожу с ума.

Рыжая собака посмотрела на меня с явным сомнением.

— У тебя тоже нервы, иди домой, — я прогнала её, и собака убежала.

Я пошла дальше. Когда я добралась до общежития, то насквозь промокла. Тихо поздоровалась с комендантом, тётей Зиной, на входе. Та, как обычно, была погружена в вязание шарфа и очередную серию сериала на канале Россия про провинциалку, приехавшую покорять столицу.

Едва я зашла в комнату, банковское приложение прислало уведомление о покупке трёх бутылок виски с доставкой в общежитие.

— Никки, — крикнула я вместо приветствия, — ты опять пользовался моей картой?!

— Технически, — Никки зевнул, показав белые клыки, — твоя стипендия назначена для обеспечения достойных условий жизни. Я живу с тобой. Мои условия были недостойны-

ми.

На его наглой морде не читалось ни капли раскаяния.

— Виски?! Как алкоголь повысит условия твоей жизни? Хоть бы кошачью мяту заказал.

— Не смей сравнивать меня с животным, — он недовольно блеснул жёлтыми глазами.

— Ладно-ладно. Но если так пойдёт дальше, мне не на что будет жить!

— Не моя проблема, что государство так плохо заботится о своих студентах.

— Оно заботится хорошо. Просто никто из чиновников не рассчитывал, что стипендия должна ещё и кормить кота-алкоголика, — буркнула я. С Никки спорить было бесполезно.

Моё ворчание прервал звонок в дверь. За ней стоял курьер с коробкой.

— Доставка. Распишитесь.

— Хорошо, — моё недовольное лицо явно смутило курьера. Когда я протягивала ему бумагу и ручку обратно, Никки прыгнул ему на голову, и молодой человек резко пригнулся.

— Простите моего кота, — невинно сказала я.

— Какого кота? — удивился курьер. — Вы, студенты, совсем себя не жалеете. Вам надо больше отдыхать. И мне тоже, — с этими словами он быстрым шагом удалился по коридору, нервно оглядываясь.

— Отлично, теперь и он думает, что я сумасшедшая, — я закрыла дверь. — Никки, перестань меня так подставлять.

— Это ваша вина, что люди давно разучились видеть Навьи, — он поднялся на задние лапы и с энтузиазмом принялся открывать коробку.

— Но ты же можешь им показываться, если захочешь. Скажи ему, Афанасий.

Домовой, методично подметавший угол комнаты, повернулся в нашу сторону, но ничего не сказал. Из-под колпака виднелись только большой нос и борода, и понять, осуждает он меня или сочувствует, было трудно. Он помолчал несколько секунд, развернулся и продолжил подметать. Это было его любимое занятие: в те редкие дни, когда я оставалась дома весь день, он проходил по полу не меньше семи раз подряд. Хорошо, что я жила в маленькой комнатухе общежития, а не в большом доме.

Развесив мокрую одежду на батарее, я села за стол готовиться к завтрашним лекциям. Но едва я открыла сумку, чтобы достать ноутбук и конспекты, из кармана выпрыгнуло существо размером с ладонь. Серая, как старая зола, кожа туго обтягивала острые кости, будто плоть давно покинула это маленькое тело. Из-под спутанных клочьев волос выглядывало узкое лицо с безгубым ртом, растянутым в кривой улыбке, полной острых зубов. Огромные чёрные глаза не отражали света, а будто впитывали его, превращая даже солнечный день в сумерки. Длинные пальцы с чёрными когтями нервно перебирали воздух, словно невидимые нити чужой судьбы. Существо не рычало и не шипело — оно тихо, почти

ласково хихикало.

Афанасий среагировал мгновенно и ударил существо метёлкой по лбу. Злыдень схватился за лоб и присел, издавая жалобный звук, похожий на плач.

— Лиза, как ты умудрилась притащить домой Злыдня? — Никки подошёл и поднял его за шкурку лапой. — Быстро положи его в пакет и подкинь соседям. Или на улицу.

Злыдень безвольно болтался в лапе Никки, потирая лоб. На тёмных глазах выступили капли слёз.

— Так, прекратите драться! — я внимательно смотрела на Злыдня. Такое соседство было нежелательным, но что-то в его силуэте, в самом его присутствии казалось мне очень знакомым. Я достала с полки шоколадное печенье и отломил кусочек. Запах моментально привлёк внимание Злыдня, и тот, продолжая болтаться в лапе Никки, потянулся к угощению.

— Отпусти его.

— Лиза, ты с ума сошла! От него одни беды будут.

— Всё в порядке, отпусти.

Никки нехотя поставил малыша на пол. Афанасий встал рядом, крепко сжимая метёлку двумя руками. Злыдень осторожно сделал пару шагов ко мне и неуверенно взял протянутый кусочек. Понюхал его — и с нескрываемым удовольствием принялся жевать сладкое лакомство.

— У тебя есть имя? — спросила я.

— Отлично, теперь мы ещё и беседы с ним ведём, — на-

супился Никки.

— Лапка, — ответил Злыдень, продолжая чавкать печеньем.

— Необычное имя Лапка, если хочешь, можешь остаться у меня, но при одном условии: никаких пакостей. Будешь хорошо себя вести — получишь печенье, — я старалась говорить как можно строже. Пусть он и маленький, но Никки был прав: бед он мог принести немало.

Лапка посмотрел на меня с удивлением, потом на печенье, на Афанасия и снова на меня.

— Хорошо, — хриплым голосом сказал он.

— Лиза, он же тёмный! — возмутился Никки.

— Это говорит абсолютно чёрный кот.

— Я не про это.

— Хватит спорить. Договор есть договор. Больше никаких драк.

Афанасий ещё несколько секунд молча смотрел на Злыдня, а затем вновь взялся за метлу.

Я переписала конспект Вити, налила Афанасию молока, дала Лапке печенье, а себе и Никки разогрела два кусочка пиццы, выслушав по его жалобы на отвратительную еду. За ужином я включила на ноутбуке новостной канал: шла трансляция визита цесаревича Александра в Букингемский дворец.

— Как ты узнала, что Злыдню понравится печенье? — спросил Никки, отпивая виски.

— Я думала, все знают, что им нравится, — я откусила пищу, не отрывая глаз от экрана.

На экране показывали серое лондонское небо, ровные шеренги гвардейцев, флаги под влажным ветром, чёрные автомобили у ворот дворца и толпу журналистов за ограждением. Всё это выглядело так далеко от моей комнаты с облупленной краской, стопкой конспектов и узкой кроватью, что почти казалось выдумкой.

Из автомобиля вышел цесаревич Александр, и я затаила дыхание. Он был красив — не просто «симпатичный», как Кирилл Вяземский, который знал о собственной красоте и пользовался ею так же легко, как титулом. Александр был высок, строен, в тёмном военном мундире, без лишней пышности, но с той безупречной строгостью, от которой каждая линия казалась значимой. Серебряный аксельбант на плече, узкая орденская лента через грудь, воротник с тонким золотым шитьём — не роскошь, а знак власти, о которой не нужно кричать.

Ветер выбил прядь каштановых волос, и он, кажется, даже не заметил. Лицо спокойное, ясное, с прямым носом и строгими карими глазами. Он коротко, сдержанно улыбнулся кому-то из встречающих — но в этой улыбке было что-то настоящее. Не тепло, скорее усталость человека, который слишком хорошо знает, что на него смотрит весь мир, и всё равно умеет оставаться живым под этим взглядом.

С каждым появлением в новостях его имя обрастало но-

выми слухами. Отсутствие брачных договорённостей в двадцать шесть лет называли неслыханной небрежностью со стороны императора Николая III. Но тот объяснял это любовью к старшему сыну и желанием подарить ему хоть немного свободы в выборе будущей императрицы, что журналисты считали на редкость прогрессивным подходом.

Идеальный образ цесаревича вдохновил бесчисленные телесериалы и истории в интернете: все с одним и тем же сюжетом, где простая девушка из глухой деревни приезжает в столицу, и наследник, несмотря на все препятствия, безоглядно в неё влюбляется. Самые смелые романы цензурировали, но даже это лишь подогревало интерес к цесаревичу, укрепляя влияние будущего императора Российской империи.

— Будешь и дальше пялиться — твоя отвратительная пицца превратится в несъедобный сухарь.

— Я не пялюсь, просто смотрю новости. Это важное политическое событие.

— Хватит вздыхать, — сказал Никки. — От романтической глупости в комнате сыреет воздух.

— Я не вздыхаю.

Это была ложь. Я вздыхала и с горечью понимала, что нам никогда не суждено встретиться. Камера снова поймала Александра у входа во дворец. Он на секунду задержался, прежде чем войти внутрь. Ветер поднял край его шинели, и в этот момент он выглядел не политиком и не наследником престола, а героем старинной сказки, по ошибке ока-

завшимся в современном мире и теперь вынужденным улыбаться журналистам, хотя за его спиной всё ещё стоят тени мёртвых царей.

Когда репортаж закончился, я закрыла ноутбук и посмотрела в окно. Дождь давно прекратился.

— На меня сегодня смотрели, — сказала я, вглядываясь в темноту за стеклом.

— Кто? — Никки насторожился.

— Не знаю.

— Человек?

— Не знаю.

— Живой?

— Не знаю.

Комната стала тише. За стеной кто-то включил музыку. В коридоре хлопнула дверь. По трубам прошёл глухой стук отопления. Обычные звуки общежития, но я вдруг почувствовала, насколько они тонкие. Как бумага, натянутая поверх чего-то глубокого и тёмного.

— Где? — спросил Никки.

— В парке. У старой оранжереи. Мне показалось, что кто-то стоит за окном.

— Показалось?

Никки спрыгнул на пол и подошёл к окну. Снаружи темнел двор. Под фонарём курили двое студентов. Всё выглядело обычным. Почти, но Никки долго вглядывался в темноту.

— Сегодня больше не выходи, — сказал он.

— Почему? — я не ожидала от него такой реакции. Наде-
ялась, что он просто посмеётся и скажет, что даже для чело-
века, способного видеть Навьи, у меня слишком разыгралось
воображение.

— Потому что, если тебе кажется, что за тобой смотрят,
иногда это значит, что за тобой смотрят.

По спине пробежал холод.

— Ты что-то видишь?

— Нет.

— Тогда почему ты так говоришь?

— Потому что мне не нравится, когда я ничего не вижу.

Если Никки ничего не видел, но чувствовал опасность —
значит, опасность умела прятаться. Тишина стала густой.

— Хватит меня пугать, Никки. Вряд ли потусторонним
силам Нави нужна бедная студентка. А если это был человек,
то тем более, у меня и красть нечего. Всё, пора спать.

Я выключила свет и легла. Афанасий заботливо поправил
одеяло и ушёл спать в угол. Лапка посмотрел на меня, на
Афанасия и отправился в противоположный угол комнаты.
Никки, как обычно, вытянулся на краю кровати рядом со
мной.

Утром я проснулась не от будильника, а от тяжести в гру-
ди. Сверху сидел Никки и смотрел на меня.

— Ты жива, — сказал он.

— Какое разочарование.

— Не шути о смерти до завтрака. Ещё призовёшь ненаро-

ком служителей Велеса.

— Ты сидишь на мне.

— Я охраняю.

— Ты тяжёлый.

Я попыталась сдвинуть Никки локтем, но он лишь распластался ещё шире, как чёрное меховое проклятие. Я повернула голову. Афанасий уже подметал пол, а Лапка с интересом наблюдал за ним, не решаясь подойти ближе. За окном стояло тусклое петербургское утро, в котором день не начинается, а просто соглашается на время заменить ночь. Небо висело низко, мокрые крыши общежитий блестели, как рыба чешуя, а где-то за корпусами университета гудела трамвайная линия.

— Я не пойду сегодня в университет, — сказала я в потолок.

Никки прищурился.

— Пойдёшь.

— Нет. Там опять будет одно и то же: смешки, комментарии, и в центре всего неподражаемый граф Вяземский. Хочу день отдыха от его наглой ухмылки.

— У тебя семинар по юриспруденции.

— Тем более не пойду.

— И стипендиальная комиссия через неделю.

Это был удар ниже пояса. Стипендия держала меня в университете, в общежитии и вообще в жизни, где были горячая вода, еда и возможность покупать учебники не только

в пиратских электронных копиях. Её даже хватало на виски для кота. Императорская академическая стипендия имени великой княжны Татьяны выдавалась сиротам, успешно окончившим государственные пансионы и поступившим в высшие учебные заведения. Звучало красиво. На деле университет считал каждый мой пропуск, каждую оценку, каждый странный инцидент, каждую жалобу преподавателей и каждый слух, способный превратиться в докладную записку. А слухи вокруг меня плодились быстрее домовых на заброшенной даче, не без помощи одного раздражающего графа.

— Я же могу заболеть.

— Ты плохо врёшь.

— У меня температура.

Никки положил лапу мне на лоб.

— У тебя отчаяние. Оно не освобождает от семинаров. Если граф так тебя достаёт, могу поговорить с домовыми и банниками — устроим ему весёлую жизнь.

— Нет. Нельзя, чтобы Явь и Навь пересекались таким образом.

— Откуда такие правила? — удивился Никки.

— Всегда же были.

В хаосе маленькой комнаты я не могла найти ключи и студенческий.

— Лапка! — грозно сказала я.

Злыдень стыдливо протянул мне студенческий и ключи, тихо хихикая.

— Я же говорил, что оставлять его плохая идея, — настаивательно заметил Никки.

— Так, никаких драк, — я строго посмотрела на Афанаasia и Лапку. — Никки, ты за старшего. Пока.

К половине девятого я уже шла к университету, кутаясь в тёмное пальто. Дождь закончился, но воздух остался влажным и холодным. Санкт-Петербург оставался прежним: каменным, холодным, слишком красивым и слишком равнодушным. У ворот уже толпились студенты. Графа Вяземского невозможно было не заметить: он стоял у ступеней главного корпуса в окружении своих обычных спутников: двух молодых дворян с одинаковыми фальшивыми улыбками, дочери сенатора Лидии Оболенской и ещё нескольких студентов, чьи фамилии открывали двери быстрее электронных пропусков. Кирилл смеялся над чем-то, держа в руке бумажный стакан с кофе.

Я поднялась по ступенькам, надеясь пройти мимо незамеченной, но Лидия Оболенская повернула голову.

— Лебедева, — произнесла она сладко. — Какая прелесть. Ты сегодня одна? В смысле — без своих невидимых сопровождающих.

Кирилл не сразу вмешался. Он позволил словам повиснуть в воздухе, как опытный дирижёр позволяет вступить скрипкам перед главной темой.

— Оболенская, — сказал он наконец, — ты несправедлива. Госпожа Лебедева никогда не бывает одна. У неё в голове

всегда богатая внутренняя жизнь.

Смех был лёгким, почти вежливым, хотя шутка была плоской и уже сотый раз повторённой. Я давно перестала чувствовать раздражение или обиду, скорее просто усталость.

— Доброе утро, ваше сиятельство, — бросила я через плечо, проходя к двери.

Граф Вяземский шагнул в сторону, не преграждая мне дорогу полностью, но вынуждая замедлиться.

— Кирилл, — с притворным ужасом сказала Лидия, — нельзя так. Она же может обидеться и пожаловаться своему коту.

— А вы, граф, — сказала я, глядя Вяземскому прямо в глаза, — почему так интересуетесь нечистой силой? Не боитесь, что могу проклясть?

Лидия тихо ахнула. Кто-то за спиной Кирилла хихикнул и тут же замолчал. Кирилл не изменился в лице — только взгляд стал внимательнее.

— Какая смелость с утра, — сказал он. — Неужели кофе выпили?

— Нет. Предпочитаю мятный чай. Просто ваш голос действует бодряще, что хочется побыстрее уйти.

На секунду в его глазах мелькнули удивление, растерянность и что-то похожее на грусть. Неужели его тоже можно задеть? Надо будет попробовать в следующий раз ответить жёстче. Я обошла его и вошла в корпус.

В гардеробе сидел банник — маленький, сутулый, с кожей цвета мокрой глины.

— Нехороший барчонок, — бормотал он. — Горячей воды ему в доме не будет. Пар пойдёт холодный. Мыло в глаза. Полотенце мокрое.

— Не надо никого проклинять, — тихо сказала я.

Стоявшая рядом первокурсница вздрогнула и поспешно отошла. Я закрыла глаза.

— Я не проклинаяю, просто желаю бытовых неудач. Это другое.

— Спасибо, но это дела людей.

— От тебя веет тьмой, — пробубнил банник.

— Что? Я вчера подружилась со Злыднем, может, из-за этого?

— Нет, для Злыдня — слишком сильная тьма. Ты странная, — и он ушёл.

Отличное начало дня. Теперь меня считали странной не только люди, но и Навьи.

Первой парой был семинар по праву у доцента Громова — широкоплечего, седого и настолько строгого, что даже старинные портреты в аудитории казались рядом с ним недостаточно дисциплинированными. Громов не любил опозданий, украшений не по форме, пустых ответов и студентов, которые считают титул заменой подготовке. За это его уважали бедные студенты вроде меня и боялись богатые.

Я села на предпоследний ряд, ближе к окну. Виктор уже

был там и молча подвинул ко мне листок. Ровным почерком на нём было написано: «Параграфы 12–15. У Вяземского доклад».

Виктор сидел, уткнувшись в конспект, как будто ничего не произошло. Серебристый холод вокруг него сегодня был слабее, но всё же ощущался — тонким звоном на краю восприятия.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Не за что.

Вяземский прошёл к первому ряду, положил на кафедру тонкую папку с гербом своей семьи и сел так свободно, будто семинар уже принадлежал ему. Громов вошёл ровно в девять.

— Тема сегодняшнего занятия, — сказал он, даже не поздоровавшись, — гражданское право: право собственности, сделки и договоры. Господин Вяземский, начинайте.

Кирилл поднялся. Он умел говорить: не читал с листа, не спотыкался, не прятал глаза в экран планшета. Голос его был спокойным, уверенным, достаточно низким, чтобы даже сухие формулировки закона звучали почти завораживающе. Он говорил о недействительных сделках — о том, чем порок воли отличается от порока формы, и почему закон не всегда признаёт сделку действительной только потому, что стороны формально её подписали.

— Сделка, — произнёс Кирилл, повернувшись к аудитории, — может быть безупречна по форме и при этом абсо-

лютно ничтожна по существу. Закон различает случаи, когда воля стороны была искажена — обманом, угрозой или заблуждением, — и случаи, когда воли не было вовсе, хотя подпись есть.

Громов кивнул.

— Пример?

— Особняк на Английской набережной. Барон Свиридов подписал договор дарения городской усадьбы в пользу дальнего родственника — якобы добровольно, в присутствии нотариуса, со всеми необходимыми печатями. Позже выяснилось, что за неделю до подписания барон перенёс тяжёлое отравление и не понимал значения своих действий. Родственники оспорили сделку.

— Основание иска?

— Статья о недействительности сделки, совершённой лицом, не способным понимать значение своих действий в момент её заключения. Суд назначил экспертизу медицинской документации, установил, что состояние барона на момент подписания исключало осознанное волеизъявление, и признал дарение ничтожным — несмотря на формально безупречное оформление.

— Итог для добросовестного одаряемого?

— Одаряемый утратил усадьбу, — сказал Кирилл ровно.

— Закон защищает не факт подписи, а факт воли, которая за ней стоит. Форма без содержания — пустая бумага.

В аудитории стало тише. Даже те, кто обычно скучал на

семинарах, подняли головы. Я почувствовала лёгкое волнение — тема была из тех, где легко было ошибиться в формулировках.

— Госпожа Лебедева, — внезапно сказал Громов.

Я встала.

— Да, ваше превосходительство?

— Как вы считаете, должен ли добросовестный одаряемый — тот, кто не знал и не мог знать о состоянии барона, — нести риск признания сделки недействительной?

В аудитории зашевелились. Кирилл, всё ещё стоявший у кафедры, посмотрел на меня с ухмылкой — будто заранее знал, что вопрос с подвохом.

Я заставила себя говорить спокойно.

— В гражданском праве риск недействительности сделки по этому основанию несёт именно одаряемая сторона, а не тот, чья воля была искажена. Это логично: закон защищает более слабую сторону — того, кто в момент сделки не мог осознавать последствия своих действий. Добросовестность приобретателя здесь не спасает сделку, потому что в дарении, в отличие от возмездных сделок, одаряемый ничего не теряет при возврате имущества — он просто не приобретает того, чего изначально не должен был получить.

— А если бы это была не дарственная, а купля-продажа, и покупатель уже заплатил деньги?

— Тогда возникает вопрос двусторонней реституции: стороны обязаны вернуть друг другу всё полученное по сделке.

Покупатель возвращает имущество, продавец — или в данном случае его наследники — возвращают уплаченную сумму. Возмездность сделки не делает её действительной, если воли не было, но она меняет последствия признания её недействительной.

Громов прищурился.

— То есть вы считаете, что форма вообще не имеет значения?

— Нет. Форма имеет значение как доказательство — нотариальное удостоверение подтверждает, что сделка была совершена. Но оно не может подтвердить то, чего не было: осознанную волю стороны. Форма фиксирует факт подписания. Она не создаёт волю там, где её не было.

В аудитории снова стало тихо. Громов долго смотрел на меня, потом едва заметно кивнул.

— Неплохо. Садитесь, господин Вяземский.

Граф закончил доклад. Громов был явно доволен выступлением. После семинара я, не торопясь, собирала вещи. Кирилл неожиданно подошёл к нашему ряду.

— Лебедева, — сказал он.

— Если вы снова хотите обсудить моих воображаемых друзей, перенесите это на завтра. Сегодня у меня нет настроения.

— Я хотел сказать, что ваш ответ был неплохим.

Я замерла. Виктор тоже. Даже Лидия, уже направлявшаяся к двери, обернулась.

— Простите? — спросила я.

Кирилл слегка поморщился, будто сам не был рад сказанному.

— Не заставляйте меня повторять. Это испортит редкий момент моего великодушия.

— Я бы назвала это симптомом.

— А я — воспитанием.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, новая ли это форма издевательства или он действительно сделал мне комплимент. С Кириллом нельзя было быть уверенной ни в чём. В его мире даже доброжелательность могла оказаться ножом, просто завёрнутым в бархат.

После лекций я вернулась домой, по дороге купив замороженную пиццу на ужин. Никки сидел на столе рядом с открытой бутылкой и выглядел так, будто весь день принимал важных гостей и устал от их провинциальности. Афанасий подметал пол. Лапка сидел на моей подушке и подъедал крошки печенья. Когда я разогревала пиццу, в дверь постучали.

— Никки, ты опять заказал с моей карты какой-то хлам, — я открыла дверь и замерла.

На пороге стоял не курьер. Высокий мужчина в чёрном пальто. От исходившей от него холодной, всепоглощающей тьмы у меня перехватило дыхание.

— Лиза, беги! — крикнул Никки, прыгнув передо мной. Афанасий подбежал и принялся лупить ботинок мужчины метёлкой, без всякого эффекта. Мужчина даже не посмотрел

вниз. Лапка забился под кровать, жалобно скуля.

— Давно не виделись, миледи, — произнёс незнакомец с вежливым поклоном и прошёл внутрь, закрыв за собой дверь.

— Что?..

Он опустился на одно колено в моей крошечной комнате, между батареей и старым столом, так, будто перед ним был тронный зал, и мягко коснулся моей руки.

— Ваша светлость, позвольте исполнить долг, отложенный на десять лет.

— Адри — неожиданно сорвалось с моих губ. Вспышка боли разорвала тишину внутри моей головы, будто внезапный удар грома. Оглушительная, невыносимая волна мгновенно затопила сознание. Я закрыла глаза, пытаюсь понять, что происходит.

— Не смей к ней прикасаться! Лиза! — Никки бросился на него, но безуспешно.

— Ваша память ещё не восстановилась, — мужчина выпрямился. — Нет необходимости в насилии, — он бросил на Никки безжизненный взгляд чёрных глаз. — Я не причиню миледи вреда.

— Миледи? — спросила я в недоумении. — Кто вы такой?

— Меня зовут Адриан, я ваш покорный слуга. Ваш род веками стоит на границе между Явью и тьмой Нави, в роли стражей, заставивших тьму себе служить.

— Звучит как семейная легенда для самовлюблённых

аристократов.

— Вполне возможно. Большинство семейных легенд звучат именно так. Разница в том, что ваша оказалась правдой.

— А вы?

— Я часть этого договора.

— Человек?

Адриан холодно посмотрел на меня.

— Нет.

— В любом случае, при чём здесь я? Я вас не знаю. Уходите!

— Вы графиня Елизавета Андреевна Чернышева. Тёмная графиня.

— Тёмная графиня? Не может быть! — воскликнул Ники.

— Нет. Вы ошиблись. Моя фамилия Лебедева. Я сирота, а не графиня, — прошептала я.

— Ваши родители погибли в пожаре десять лет назад. Смена фамилии, приют и сокрытие ваших воспоминаний были необходимы для вашей защиты.

Перед глазами вспыхнула картина, будто из прошлого: длинный коридор, языки пламени, едкий дым.

— Миледи, я понимаю ваше смятение и недоверие. Но то, что я говорю, — правда. Вы должны последовать за мной, чтобы вернуть память и занять место, предназначенное вам по праву рождения.

Лицо Адриана, его холодная темнота — всё это почему-то

казалось мне знакомым. Он не делал резких движений, не повышал голоса, но само его присутствие мгновенно подчиняло себе пространство комнаты. Его взгляд будто прошивал насквозь. Тёмные, почти чёрные глаза смотрели на мир с ледяным безразличием — в них не было тепла, лишь затаившаяся, дремлющая опасность. Тонкие бледные губы, тронутые едва заметной вежливой полуулыбкой, будто хранили тайны, к которым мне вдруг захотелось приблизиться.

— Она никуда не пойдёт! — ошетинился Никки. Афанасий встал между нами, крепко сжимая метёлку обеими руками.

— Это не вам решать, — спокойно сказал Адриан.

— Хорошо, я пойду, — согласилась я дрожащим голосом.

— Лиза! Ты с ума сошла! Он не обычный тёмный, он опасен! — возмутился Никки.

— Да, я знаю. Если он действительно хочет мне навредить, бежать от такой силы бесполезно. Но если он говорит правду — я смогу узнать о своём прошлом.

Адриан поклонился.

— Похвальная рассудительность.

Чёрный автомобиль с затемнёнными окнами и маленьким гербом восьмиконечной звезды на дверце ждал у общежития чёрный. Где-то я уже видела этот символ

Адриан сел за руль, Никки устроился у меня на коленях, не сводя с него глаз. Он настоял, что не отпустит меня одну, чем вызвал искреннее удивление Адриана. Я нервно те-

ребила пальцы, оставляя новые заусенцы вокруг обкусанных ногтей.

Санкт-Петербург за окнами постепенно менялся. Сначала исчезли университетские корпуса, потом широкие проспекты, потом огни магазинов, потом редкие жилые высотки. Город отступал, уступая место мокрым пригородным дорогам, чёрным деревьям и полям, над которыми висел низкий туман.

В машине было душно от напряжения. Я боялась собственных мыслей, роившихся в голове. Если Адриан говорит правду, значит, у меня были родители, и наша семья принадлежит тьме? Он назвал меня тёмной графиней, и даже Никки, кажется, испугался этих слов. И что означает этот договор с Адрианом?

Машина свернула с шоссе на узкую дорогу между соснами. Фары выхватывали из темноты мокрые стволы, каменные столбы старой ограды, ржавые ворота. На одном из столбов всё ещё виднелся герб: та самая восьмиконечная звезда.

Моё сердце пропустило удар.

— Нет, — прошептала я.

Машина остановилась. Перед нами лежало поместье. Вернее, то, что от него осталось.

Когда-то это был большой старинный дом с зимним садом и широким крыльцом. Теперь крыша обвалилась, одно крыло чернело провалом, стены были обожжены, а окна смотрели пустыми глазницами. Дикий виноград оплетал колонны.

По каменным ступеням текла вода. В глубине парка стояли мёртвые липы, и их ветви тянулись к дому, как руки.

Я знала это место. Не разумом — словно старый, давно забытый сон вдруг ожил передо мной. Колени ослабли, когда я вышла из машины. Запах мокрого камня. Золы. Сосен. Старого железа.

— Лиза, — сказал Никки.

Я не ответила, потому что увидела девочку. На верхней ступени крыльца стояла маленькая босая девочка в белой ночной рубашке, с тёмными распущенными волосами. Она смотрела на меня большими испуганными глазами и горько плакала. Она была мной.

Я моргнула, и девочка исчезла. На ступени осталась только вода.

Я поднялась по лестнице. Адриан следовал за мной словно тень, Никки шёл рядом, почти касаясь моего сапога. Адриан открыл дверь — хотя дверей почти не осталось: одна створка висела на петле, вторая лежала в холле, обугленная и покрытая мхом.

Внутри запах пожара чувствовался ещё сильнее. Десять лет прошло, а дом всё ещё пах гарью. Я вошла в холл, и мир вспыхнул от резкой головной боли. Я увидела лестницу целой, покрытой тёмно-красной дорожкой. На стенах горели бра. Женщина в серебристом платье крепко держала меня за плечи. Мама.

— Лиза, слушай меня, — говорила она. — Что бы ни слу-

чилось, не следуя за теньями.

— Мама, мне страшно.

— Знаю, моя звёздочка.

Звёздочка. Воспоминание оборвалось так резко, что я вскрикнула.

— Лиза! — вскрикнул Никки.

— Адри, — прошептала я, глядя ему в глаза, — я вспомнила. Я вспомнила всё.

На моей руке вспыхнула проявившаяся руна — символ договора между мной и Адрианом. Он опустился на одно колено в вежливом поклоне и протянул мне цепочку с медальоном в форме восьмиконечной звезды из чёрного обсидиана — символ рода Чернышевых и нашей власти над ним.

Я взяла кулон и услышала звон стали. В моей руке мгновенно возник меч: чёрный клинок, узкий и длинный, с той же звездой в эфесе. Он будто был сделан не из металла, а из ночи, которую заставили принять форму.

— Добро пожаловать домой, миледи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.